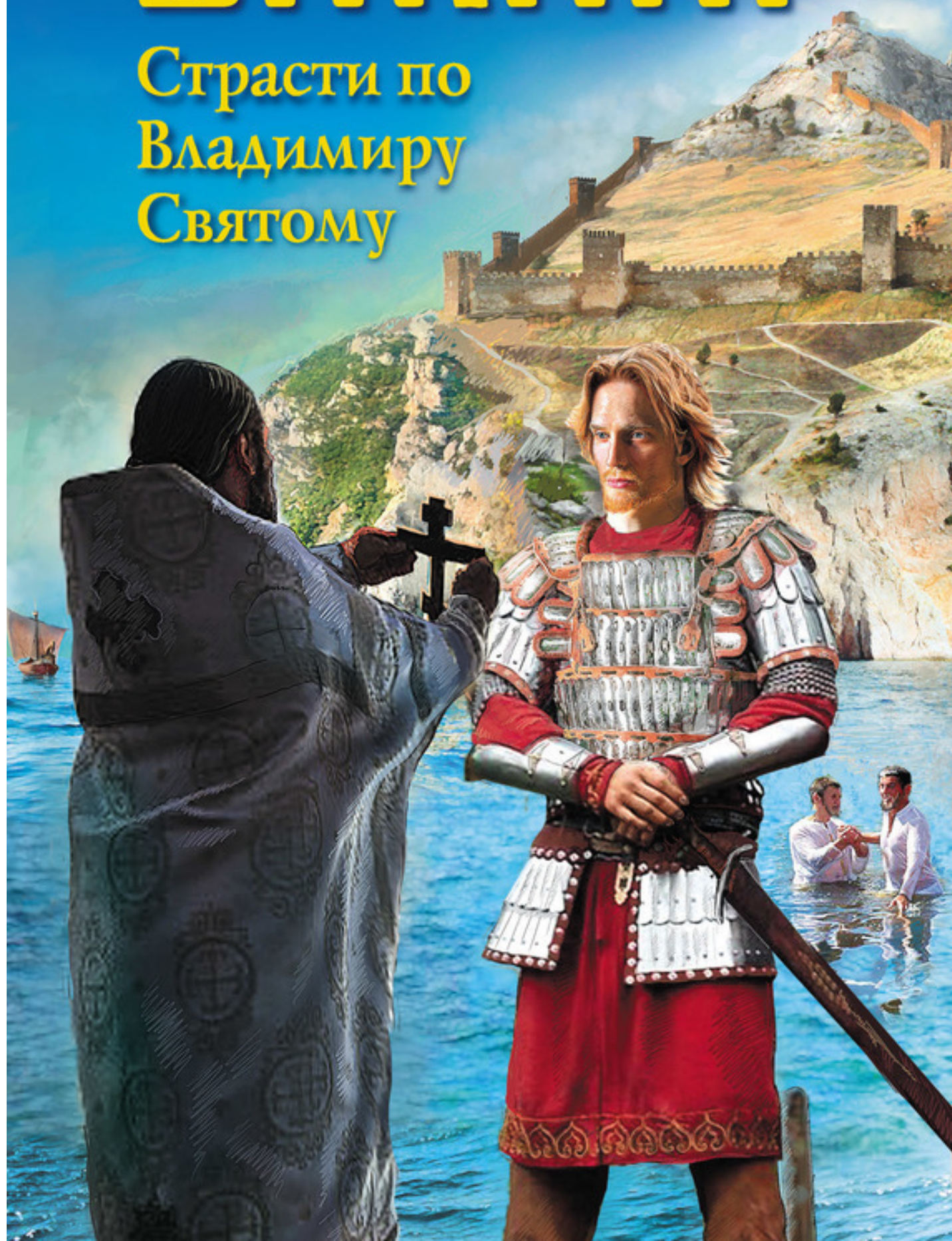

Наталья АРХИПОВА

ВИКИНГ

Страсти по
Владимиру
Святому

Наталья Архипова

**Викинг. Страсти по
Владимиру Святому**

«Яуза»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Архипова Н. А.

Викинг. Страсти по Владимиру Святому / Н. А. Архипова —
«Яуза», 2017

ISBN 978-5-9955-0908-0

К премьере фильма «ВИКИНГ» – самого ожидаемого исторического блокбастера этого года! Захватывающий роман о подвигах и страстях одного из самых прославленных князей Древней Руси, которому и посвящен этот фильм, – ВЛАДИМИРА СВЯТОГО. Он пришел к власти на мечях викингов – но возвысил славян, навсегда избавившись от норманнского засилья. Он крестил Русь огнем и мечом – но в народной памяти остался под языческим прозвищем Владимир Красно Солнышко. Он причислен к лику Святых – но при жизни обладал огромным гаремом из тысяч наложниц. Он пролил реки крови – но подарил Руси великое будущее!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-9955-0908-0

© Архипова Н. А., 2017
© Яуза, 2017

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	29
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Наталья Архипова

Викинг. Страсти по Владимиру Святому

Пролог

Давно это было...

Или совсем недавно?

Что для человечества тысяча лет? Ничтожно мало.

А для человека? Полсотни поколений между нами и ними.

Как знать, о чем думали наши столь далекие предки, что их волновало, чему радовались? Особенно если ценности имели иные. Даже вечные понятия – любви, добра, верности, чести, самой жизни со временем несколько изменились.

Князю Владимиру Святославичу сообщили, что все готово:

– Собрались, княже.

– Все?

Зачем спросил, понятно ведь, что все ни за что не соберутся. Просто волновался, вопреки всем стараниям держаться уверенно, это волнение было заметно даже ближней охране.

– Нет, не все, но многие.

Князь Владимир кивнул и шагнул в дверь, невольно пригнувшись у притолоки. Высок князь, хоть и двери тоже немаленькие, все же терем княжий, но кланяться приходится. Ближнему гридю-охраннику вспомнилась шутка, что есть то, чему даже князя кланяются, – дверной притолоке. Раньше бы сказали, что богам, а ныне все переменялось...

На берегу Почайны и впрямь собралась большая часть Киева. Стояли, переговаривались, недоуменно пожимали плечами...

– К чему князь приказал собраться?

Не может быть тайной то, что известно нескольким людям, обязательно разойдется дальше. Так и тут.

– Крестить всех будет.

– Чего?! Как это?

Знающий шептал, стараясь спрятаться от внимания дружинников:

– Ну, да. У меня сродник в дружине, так сказывал, их всех еще в Корсуни крестили.

– Это как же? – все не верили окружающие.

Дружинники настороженно поглядывали на уплотнявшуюся вокруг знатока ситуации толпу. Тот зачастил скороговоркой, понимая, что договорить не дадут, а сам он может пострадать:

– В воду всех загнали, объявили, чтобы своих богов забыть, а верить в цареградского.

– Как это – своих богов забыть?

Над спинами и головами взвилась плеть. Любопытных враз разметало в стороны, а сам болтун, прикрывая голову руками, завопил:

– А я что, я ничего!

Возможно, побили бы и сильней, на том урок ему – не болтай лишнего, но раздался крик:

– Князь! Князь Владимир Святославич едет!

Князь Владимир действительно приказал киевлянам собраться на берегу Почайны:

– Кто не со мной, тот против меня.

Быть против любимого князя Красна Солнышка не хотели, вот и пришли.

Владимир смотрел на толпу, ждавшую его, с волнением. Он знал, что скажет, вернее, душой чувствовал эти слова. И верил, что киевляне душой их воспримут...

За тринадцать лет до этого...

Глава 1

Сватовство

В Новгороде все знали, к кому нужно сначала идти со своей вестью, не важно, хороша она или плоха, кто правит городом. Но гонец был киевский и пошел сразу, как приказано, – к князю Владимиру Святославичу. И гридь, сидевший без дела, новенький, он и провел.

Только потому молодой князь Владимир узнал печальную новость раньше своего наставника Добрыни Никитича.

Добрыня – уй князя Владимира, то есть брат его матери Малуши. Наставник добрый и даже слишком заботливый, не своим умом живет юный новгородский князь, а Добрыниным. Но это к лучшему, сильный строптивый Новгород, обидевшись на выбор Святослава Игоревича, который прислал в город младшего из сыновей, вышвырнул бы князя-мальчишку, не будь за его спиной умевшего договариваться уя.

Действительно, когда князь Святослав Игоревич перед уходом в последний свой поход на Болгарию разделил Русскую Землю меж совсем юными сыновьями, многие были недовольны, но более всего Новгород. Этому граду достался не просто младший княжич Владимир, но робичич – сын князя от рабыни.

Добрыня справился, убедил новгородцев, что им же лучше, кого надо, подкупил, кого надо, отправил в Киев, а кого и «случайно» посек мечом. Так посек, что ни Владимира, ни Добрыню не заподозрили. Княгиня Ольга не ошиблась, когда-то решив, что наставником маленького княжича будет его уй Добрыня.

Он хозяин, не в Новгороде, конечно, но на княжьем дворе.

Добрыне Никитичу сразу донесли, что к князю гонец прибыл из Киева. Уй поспешил к племяннику. Не время гридей за бестолковость ругать, что не к наставнику гонца привели, а к самому князю, это успеется.

Владимир стоял на крыльце, глядя куда-то вдаль. Что бы это значило? Киев далеко, там сидит Ярополк, который слаб, но все же опасен. Просто у старшего из сыновей князя Святослава Игоревича Ярополка, оставленного княжить в Киеве, советчик есть, которого бояться стоило, – Свенельд. Стар уж варяг, однако черный совет всегда готов дать.

Что там случилось, ежели гонец спешно в непогоду прибыл?

Предчувствия Добрыню не обманули, весть и впрямь была важной.

Добрыня поднимался по ступенькам не торопясь, негоже солидному человеку спешить и тем свое нетерпение выказывать. Но и Владимир не суетился, как стоял, молча, так и остался стоять, даже глазом на дядю не повел. Пришлось тому поинтересоваться:

– Гонец был?

– Да, Олег погиб.

«Погиб» могло означать что угодно, погибнуть можно в бою, на охоте, даже свернув шею на крутой лестнице. Злясь на племянника, Добрыня тем не менее не торопил. Сам же воспитывал у князя выдержку.

– Лют Свенельдич на ловах в его землю заехал и князю попался.

Ого! Лют Свенельдич, сын черного варяга, конечно, он ничего не боялся и вполне способен охотиться в чужой земле, но одно дело охотиться, другое – убить древлянского князя. Неужели в пылу охоты вместо оленя князя Олега подстрелил?

Оказалось, совсем наоборот. Это Олег Святославич приказал убить нахамившего ему Люта.

– И Свенельд пошел на Олега?

Свенельд простить второму сыну князя Святослава убийство своего Люта, конечно, не мог. Это война Киева с Овручем, война двух братьев. Да... конечно, победит Киев, куда Олегу против Свенельда, но задуматься стоило.

Владимир сокрушенно помотал головой:

– Нет, Свенельд стар уже, но киевляне пошли. Олег с дружиной удирал за стены Овруча, его на мосту и столкнули вниз. Случайно, но столкнули. Погиб там...

Вот это да! Древлянского князя собственные дружинники попросту отпихнули в сторону, удирая? Позорная смерть.

– А Ярополк?

– Сидит в Киеве, скорбит из-за гибели брата.

Добрыня невольно усмехнулся: вот оно, бабкино воспитание, вместо того, чтобы наказать всю древлянскую дружину, а то и Древлянскую землю, князь слезы льет, брата жалеючи. А это все княгиня Ольга, как христианкой стала, так словно подменили. За гибель своего мужа князя Игоря Искоростень безжалостно сожгла – весь Род должен за убийство князя платить. А потом тоже всех «жалела», о непротавлении злу и насилию твердила.

– Ярополк хоть и твердит, что не крещен, а ведет себя, как христианин, – фыркнул в усы Добрыня.

– Но ведь брата жалко.

– Чего жалеть князя, который не сумел ни град свой защитить, ни дружину в руках удержать? Это все?

– Да, разве мало?

Добрыня поморщился: учишь, учишь этого голубоглазого недотепа... Чья в нем кровь, если мягкотел? Князь Святослав своей рукой младшего брата казнил, когда о его предательстве богов узнал. Князь Игорь Рюрикович печенегов когда-то так в бараний рог согнул, что только недавно посмели голос подать. Да и Ольга была ох как крута. Куда все в нынешних князьях девалось?

– Женить тебя хочу. Невесту нашел.

Владимир вскинулся изумленно, не ко времени дядя разговор завел, но тот не обратил на взгляд князя внимания, продолжил:

– Алохию за себя возьмешь.

– Кто это?

Добрыня сумел спрятать довольную ухмылку в усах. Послушен князюшка, не спросил, почему дядя решает за него вопрос женитьбы, поинтересовался только самой девкой.

– Крепкая, красивая, нужная. Нечего тебе девок в постель таскать, пора семьей обзаводиться.

– А если она нехороша окажется? – усомнился Владимир.

– Вот тогда и будешь девок щупать. В следующую седмицу свадебный пир сотворим.

– Да ведь Олег погиб?!

Добрыня снова поморщился:

– Они тебя признавали? С тобой знали? Ты у них на свадьбах бывал? Чего же плакать? Погорюешь до завтра и будет.

Глядя вслед уходившему Добрыне, Владимир вздохнул с легкой завистью. Как бы он хотел уметь вот так же переступать через любые преграды, которые Рок ставит на пути. Добрыню ничто не берет, был конюхом, придверником (тогда и свел свою сестру Малушу с князем Святославом), хранителем золотой казны... Во всем тверд, ничего не страшится.

Вот бы и молодому князю так!

Да пока не получается, значит, надо во всем наставника слушать и учиться у него. Владимир еще раз вздохнул, но уже полегче: повезло ему такого уя иметь, куда бы он без Добрыни?

Князь Владимир был прав, хотя бы потому, что и его самого на свете без ловкости Добрыни не было бы, и даже родившись, мог оказаться навсегда задвинутым далеко-далеко, как многие до него и после. Мало ли у князя Святослава сыновей и дочерей не от жены, а от любовшек рождалось, да только Владимир в княжьем тереме оказался и на правление в Новгород посажен. А все Добрыня Никитич, его уй... Руки не опустил, даже когда разгневанная княгиня Ольга выслала пухлятую Малушу в Выбуты. И сестре твердил, что потерпеть нужно, своего времени дожидаться, чтобы признал князь Святослав Владимира сыном. Не упоминал, что сначала княгиня-мать должна признать мальчика своим внуком, но это и без того понятно, князь Святослав только в своей дружине Хозяин, а в Киеве и в княжьем семье его мать Ольга.

Но и тут Добрыня постарался.

Шагая прочь от крыльца, на котором остался размышлять о своей никчемности князь, Добрыня вспоминал, как княгиня Ольга впервые увидела маленького Владимира.

Добрыня юнцом был, когда ее муж князь Игорь Рюрикович из похода вернулся и на Древлянскую землю вдруг собрался. Немолод уже, но все еще силен, меч в руке крепко держал и в седло птицей взлетал. Много лет прошло, но у Добрыни все перед внутренним взором стоял этот князь, его голубые, каким бывает весеннее небо, глаза под темными ресницами, прямой нос и затаившаяся в уголках губ усмешка.

Да и как можно забыть, если перед Добрыней каждый день живое напоминание деда – Владимир. Так бывает, сын не на отца похож, а на деда или бабу. Владимир на князя Игоря Рюриковича.

Вот потому, когда княгиня Ольга после долгого отсутствия приехала в Выбуты, Добрыня приказал сестре своей Малуше дома сидеть, как мышке за печкой, а сынишку ее, от князя Святослава Игоревича рожденного, с собой взял и незаметно вперед выставил, чтобы заметила княгиня. Все верно рассчитал, Ольга почти прошла мимо, да наткнулась на голубые мальчишечьи глазенки. Это взрослые согнулись в поклоне, мальчишка стоял, с интересом разглядывая богато одетую суровую женщину.

Вот тогда и решалось – дальше ли их с Малушей и Владимиром выселят или, напротив, приблизят.

Княгиня Ольга внимательно посмотрела на мальчика и вдруг приказала Добрыне:

– Придешь в терем. С ним.

И пошла дальше, словно их и на свете не было. Но Добрыня знал, какова княгиня, что этих трех слов достаточно, чтобы слуги с поклоном в княжий терем пропустили. Еще Добрыня знал, что не все, кто туда входит, выходят обратно. Но племянника привел, заранее научив, как отвечать на все вопросы.

Отвечать не пришлось, княгиню вовсе не интересовали способности Владимира. Снова внимательно посмотрела и поинтересовалась:

– Чей?

– Малушин, княгиня.

– Здоров?

– Да.

Владимир стоял, крутя головой то на дядю, которого привык считать большим и сильным, то на ту самую раздетую женщину, перед которой его большой дядя гнулся, словно былинка. Первый вывод, который сделал мальчик, – большие люди не самые сильные, можно быть женщиной, но сильнее Добрыни. Полезная сообразительность...

Княгиня Ольга только кивнула и так же коротко приказала:

– Привезешь в Киев и будешь при нем дядькой. Только ты и он.

О Малуше ни слова, словно и не было матери Владимира на свете.

Сама Малуша возмутилась:

– Нет, я свое дитя никакой княгине не отдам! Владимир мой, я его родила!

– От кого родила, глупая? – фыркнул Добрыня.

– Ну и что, что от князя Святослава?

Она еще долго то плакала, уговаривая, чтобы не забирали единственное дитя, то проклинала, но не княгиню, ту проклинать опасно, а свою горькую судьбину, то умоляла взять ее с собой... Пожалев сестру, Добрыня дал обещание, выполнять которое не собирался. Он сказал, что, как только устроится в Киеве, постарается убедить княгиню, что мальцу нужна мать рядом. Малуша поверила...

Добрыня знал, что ни о чем просить не будет, потому что княгиня не допустит новой встречи князя Святослава с Малушей, слишком мало времени прошло, чтобы тот забыл горячие ласки Добрыниной сестры.

Малуша, когда прощалась с сынишкой, долго стояла перед ним на коленях, обнимая и орошая слезами, тот удивлялся плачу матери, ведь уходил-то с любимым уем. И когда Добрыня сказал, что пора, доверчиво вложил свою ладошку в большую ладонь дяди.

Владимир ушел, не оглядываясь, как и сам Добрыня, словно чувствовал, что вся прежняя жизнь закончилась.

В Киеве они были чужими. Княгиня определила всего вдоволь, но старшие сыновья князя Святослава Игоревича косились, а чуть повзрослев, стали называть младшего брата робичичем – рожденным рабыней. Остальные не лучше, на княжьем дворе еще не забыли Малушу и, увидев Добрыню с Владимиром, все правильно поняли. Сам князь Святослав Игоревич только взглядом скользнул, Добрыня не был уверен, что он не забыл мать Владимира.

Но деваться уже некуда, голубоглазый укор князьям остался жить в Киеве вместе со своим дядей. Не так все мыслил Добрыня, но исправить ничего не мог. Оставалось надеяться, что со временем что-то удастся изменить.

Никто Малушу в Киев не пустил, а нарушить княжью волю она не посмела и через три года тихо угасла от тоски. Говорили, что последним ее желанием было увидеть сына. Владимир об этом не узнал, Добрыня никогда не упоминал о его матери в Киеве, а если тот и спрашивал, то отмалчивался. Так лучше, ни к чему жить у бабки-княгини и тосковать о матери-рабыне.

Остальные тоже не упоминали, и Владимир быстро забыл о матери. Детское сердце может тосковать сильно, но оно легко отвлекается, слишком велик и интересен мир, чтобы только тосковать.

Владимиру пятнадцать только исполнилось, пушок на подбородке, как ни скоблит острым клинком, едва пробивается, рановато бы князя женить, но надо. Не потому, что девок портить научился. Дядя постарался избежать такого поворота дел, какой сам когда-то устроил князю Святославу с Малушей, девки Владимиру «попадались» проверенные, опытные и подарков в подоле не приносили.

Но женить князя надо из соображений деловых. Алохия – дочь богатейшего боярина, единственная дочь, за которой и дадут много, и в наследство оставят. А недавно Добрыне тайно донесли (на то он и княжий советчик), что отец Алохии зело болен, хотя и вида не подает. Долго не протянет, значит, надо торопиться, чтобы родственники не набежали да у дочери наследство не отобрали.

Владимиру сказал, что Алохия крепка и хороша собой, хотя сам ее в глаза не видел. Ничего, стерпится, слюбится, а для удовольствия вон девки есть. Князь не простолюдин, чтобы о пригожести жены думать, главное, чья дочь и что принесет в приданое. К тому же кто мешает еще одну красы ради взять?

Самому Владимиру вовсе не хотелось жениться. Одно дело девок по углам щупать или озираясь красться в горницу к Параше, чтобы там сходить с ума от ее пышного горячего тела, но совсем другое – жену иметь. А ну как не так что-то будет?

Но он обреченно согласился. В конце концов, все женятся.

– Сегодня поедem невесту смотреть.

Владимир только вздохнул, прекрасно понимая, что не только он невесту, а ее родня на самого князя глазеть будет. Обычно Владимир на людях редко появлялся, с боярами да купцами Добрыня беседы вел, на рынок князь лишь в оружейные ряды ходил.

В Киеве его разглядывали из любопытства, мол, повезло робичичу в княжью семью попасть, словно он не из семьи. В Новгороде просто глазели, но привычка дичиться уже была.

Однажды Владимир с горечью выговорил:

– Зачем меня мать от князя родила? Был бы обычным человеком, жил бы как человек.

Взгляд Добрыни стал жестким, а тон недобрым:

– А ты как живешь?

Владимир замялся, не зная, что ответить.

– Чего тебе не хватает? Ты князь новгородский. То, что Новгород пока не слишком почи- тает, так заслужить надо. А мать корить не смей, она сделала для тебя все, что смогла. И ты не знаешь, что такое быть простым человеком. Это значит быть ничем. Там тоже заслужить свое место надо, чтобы не оказаться в самом низу.

Осторожно, исподволь внушал Добрыня племяннику, что тот не робичич, хотя и рожден от рабыни. Мельком упоминал о сожженном его бабкой княгиней Ольгой Искоростене, о том, что почти уничтожила она древлянское племя, а княжеский род и вовсе извела.

Всего этого в Киеве говорить нельзя было, иначе сегодня сказал – до завтра оба не дожили. Княгиня, когда Искоростень сожгла, детей древлянского князя Мала Малушу и Добрыню в живых не ради того оставила, чтобы сестра дите от князя Святослава родила, а Добрыня ему глаза раскрыл на бабкины деяния. Нет, княгине было нужно долгие годы держать при себе древлянских княжну и княжича как заложников. Пока они живы, у древлян есть надежда возродить свой род, но они будут послушны, чтобы не убили Малушу и Добрыню. А Малуша и Добрыня – наоборот, будут послушны, чтобы княгиня не уничтожила остатки древлян по лесам.

Но не на положении князей жили дети Мала, княгиня хитра, она сделала Малушу и Добрыню ключницей и ключником, а ключники принимали рабство добровольно. Отказаться тогда значило подставить шею под топор.

Но Добрыня перехитрил княгиню. Они с сестрой приняли рабство, но потом Малуша слюбилась с князем Святославом. Не потому, что любила его или он ее любил, просто так вышло, вернее, так задумал Добрыня. Родил Малуша дочь, мало что изменилось бы, но, к счастью, родился сын – последний княжич древлян.

Узнав, что Малуша понесла от Святослава, княгиня Ольга не просто зубами скрипела, она бесновалась так, что девки вырванные волосы клочьями выносили и синяки от людей прятали. Но поделаться ничего не могла, отправила Малушу с глаз долой в Выбуты, однако признав ее свободной. Не ключница больше, чего же в рабстве держать?

Родила уже свободная княжна Малуша от князя Святослава сына, но того все равно звали сыном рабыни – робичичем.

Все вытерпел Добрыня, долгие годы неизвестности, опасений за жизнь и свое племя, многие годы рабства, волнение за сестру, живущую в Выбутах. Но получилось, как задумал – стал Владимир княжичем, пусть и робичичем. И еще многие годы Добрыня опекал племянника уже в Киеве.

И новгородцам его сторговал, намекнув, что не станет совсем еще юный князь (десяти ведь не было!) ни во что вмешиваться, зато его именем будут суд судить... Согласились, и вот уже много лет Добрыня учил и опекал молодого князя теперь в Новгороде.

Три десятка лет он лелеял надежду возродить свое племя и отомстить пусть не самой варяжке на киевском престоле, то хотя бы ее детям! Три десятка лет копил силы и учил Владимира. Мало чему пока научил, но он и не мог делать этого прямо, приходилось осторожничать, Киев был силен.

Уже не было с ним Малуши, она умерла от тоски по сыну, но ради мести за свой род Добрыня был готов пожертвовать не только сестрой. Он и собой давно бы пожертвовал, если бы не надежда привести на киевский престол сына Малуши, то есть сделать древлянского князя хозяином Руси.

Однако пока этот князь мало годился для такого. Владимир с удовольствием учился ездить верхом, охотился, но еще охотней портил девок. Приходилось признавать, что пока мститель никудышный. Добрыня лелеял надежду, что со временем племянник исправится.

И вдруг в Киеве свара между братьями и гибель Олега. А Владимир не готов выполнить задуманное Добрыней. Но дядя не унывал, все впереди, а пока нужно перехватить богатства Ставра, чтобы не достались никому другому.

Вот и поспешил Добрыня сосватать своего племянника, которому и шестнадцати-то не было, за единственную боярскую дочь Алохию. Только сделать это нужно было тонко, чтобы перехитрить Ставра, которому совсем ни к чему в зятях робичич.

Двор Ставра богат, пожалуй, богаче княжьего. И почти все это достанется единственной дочери – Алохии. У боярина были два сына и еще две дочери, да не повезло, один сын погиб, второго лихоманка забрала после купания в ледяной полынье вместе с санями, старшая дочь в младенчестве умерла, а еще одна взрослой уже. И жена Ставра померла, осталась только Алохия.

Может, потому он так дочерью дорожил, переборлив в женихах был?

Но от такого предложения не отказываются...

Добрыня Никитич во двор въехал хозяином, словно он сам князь и женить решил своего сына-наследника. Все бы хорошо, но Ставр прекрасно помнил, кто мать князя Владимира Святославича, и, как к тому в Киеве относятся, тоже знал. Но того не знал Ставр Любомирович, что ныне у молодого князя стало одним братом меньше. Добрыня постарался, чтобы новость пока не разошлась по Новгороду, рассчитывая выложить ее в нужную минуту, чтобы качнула она чашу весов в сомнениях богатого боярина в пользу Владимира.

Боярин Ставр Любомирович сам вышел встречать князя и его уя, как положено. Добрыня цепким взглядом уловил лихорадочный блеск глаз и легкое покашливание хозяина богатого дома. С трудом спрятал довольную усмешку – не наврал свой человек, служивший боярину, болен тот, хотя и скрывает. Хорошо, когда твой соперник не знает, что ты знаешь его тайны...

– Проходите в дом, дорогие гости.

Ишь ты, не стал никак величать Владимира. В том своя хитрость, ведь сказать «князь», значило поставить младшего по возрасту впереди старшего, а всем известно, кто над кем хозяин в этой паре. Ловок, ловок Ставр, потому и богат.

Конечно, не дело князю с наставником самим приходиться с таким вопросом, но Добрыня и тут схитрил. Если отправить сватов или взять с собой важных людей, то можно в случае отказа получить щелчок по носу. А так у княжьего наставника повод был не дарить зря богатые дары, не кланяться и не привлекать чужих – у князя брат погиб, не к лицу Владимиру праздновать.

В боярском тереме врассыпную бросились любопытные девки, запрыскали, зашушукались в дальних углах и за неплотно прикрытыми дверями. Любопытно, и ничто их не берет. Может, и боярская дочь среди них? Поди разгляди, но Владимир держался важно, по сторонам не смотрел.

В большой нижней горнице слуги поспешно метали на столы всякую всячину. Хоть и не ждал дорогих гостей Ставр Любомирович, но на таком богатом дворе всегда найдется чем попотчевать, тем более Добрыня Никитич к обеденному времени подгадал.

Пока слуги столы расшитыми скатертями покрывали да миски с холодными мясом и рыбой расставляли, грибочки да огурчики любовно пристраивали, на серебряных блюдах несли копченых гусей, здоровенного осетра, тетерку, за ними икру да соленья разные... Ставр Любомирович позвал гостей присесть в стороне на широкие покрытые дорогими, привезенными от персов коврами лавки. Богато жил боярин, всего в доме вдоволь – и еды, и питья, и товаров заморских, кубков прозрачного стекла, в которых меды играли, и посуды серебряной с диковинными зверями да птицами по краям, и таких вот ковров.

Запах уже стоял такой, что слюнки сами собой текли, а ведь еще ни пирогов, ни жаркого, ни ушного не поспело...

Добрыня скромно сообщил, что они ненадолго, только поговорить. Он так ловко повернул разговор, что Владимир и не заметил, как речь уже шла о дочери боярина и о самом князе, мол, пора молодым семьи создавать, деток на свет пускать, наследничков. Боярин насторожился, не так в Новгороде боярышень сватали, надо бы с почестями да дарами, а княжий уй скромничает. Понятно, что рисковать не желает и отказ получить при свидетелях не желает, вот и решил разведать. Только мог бы и без племянника прийти, о делах поговорить. Что-то заставило Добрыню Никитича спешить. Только вот что?

Добрыня Никитич беседу вел степенно, цену себе зная, но и Ставр ее знал, как и свою тоже. Усмешку также ловко прятал, не выдавая, никаких обещаний давать не хотел. О дочери говорил уклончиво, мол, молода еще, в девках бы побыть, да и самому без нее тошно будет, одиноко.

Владимир даже духом воспрянул, радуясь, что сватовство срывается, но не тут-то было. Добрыня Никитич согласно кивнул:

– И то верно, пусть девка еще погуляет. Не ко времени я все это задумал, да вот князю пообещал, что сделаю, решил, несмотря ни на что, обещание выполнить.

Ставр явно насторожился, понимая, что у Добрыни есть что-то за пазухой, но кивнул. Однако не пригласить дорогих гостей за стол нельзя, его уже накрыли, потому хозяин попросил отведать разносолов.

Тут и Алохию увидели. Она хоть и молода еще, но на правах единственной хозяйки должна гостям чарку с поклоном поднести.

Теперь Владимир смотрел во все глаза, хотя уже и радовался, что свободным остался. Дочь Ставра была хороша – статная, белокожая, светловолосая, а глаза под темными ресницами серые. Поклонилась, уронив косу почти до пола, но глаза вскинула на Владимира. Щеки девицы полыхнули смущенным румянцем, отчего стала еще краше.

Молодой князь даже пожалел, что сватовство срывается.

А вот Добрыня Никитич словно и не расстроился из-за уклончивого ответа боярина, с удовольствием чарку выпил, крикнул, к столу сел. Пришлось и племяннику садиться.

– Я уж не знаю, Ставр Любомирович, не обессудь, ежели больше не сможем сватов прислать. Сами пришли, потому, как видно, придется в Киев ехать.

Голос у Добрыни почти скорбный, тихий. Боярин невольно насторожился:

– А чего? Неужто у Новгорода будет другой князь?

Как он радовался, что не дал опрометчивого обещания! Княжья воля она в Киеве, захочет Ярополк Святославич отправить младшего брата к дреговичам, например, никуда не денется молодой князь, поедет и туда. Их отца Святослава Игоревича на свете нет, кто знает, что теперь будет с робичичем, поговаривали, что его братья не очень жалуют.

Но Ставр Любомирович рано обрадовался, Добрыня Никитич все с тем же скорбным видом поведал:

– Князь Олег Святославич погиб. А Ярополк Святославич, рассказывают, горюет очень. Очень горюет, даже ослаб так, что и сам готов за братом отправиться к праотцам.

Хитрый дядя у Владимира, не сказал, что Ярополк просто переживает, но и того, что болен, тоже не сказал.

– Верно, придется ехать, Киев нельзя без пригляда оставлять ни на день.

Если бы Ставр Любомирович припер собеседника к стенке и спросил, почему это Киев должен остаться без пригляда, тому пришлось бы ответить, что князь Ярополк Святославич в поход собирается, но на то и был расчет у Добрыни, что не припрет, не потому что не посмеет, просто боярину и в голову не придет усомниться. Он умный и хитрый, но на стороне Добрыни полуправда.

Так и случилось.

Ставр Любомирович осторожно уточнил:

– Князь Олег погиб? Где, как?

Добрыня Никитич без утайки рассказал об Овруче и о рве. Сокрушенно подытожил:

– Вот так-то...

И тут такой подарок – к Ставру пришел его родич Година Рябой, у которого купеческие дела велись, в том числе и в Киеве. Увидев гостей, насторожился. Ставр позвал к столу, сообщил:

– Князь Олег Святославич в Овруче погиб.

– Знаю про то. Соболезную, князь. Кому теперь Древлянская земля отойдет?

Владимир, до сих пор задумчиво щипавший копченого гуся, плечами пожал и неожиданно сказал очень умно:

– Пока к Киеву...

Словно разрешил старшему брату немного потешить себя владением погибшего Олега.

Это «пока» решило все, хозяин и его сородич решили, что у Владимира есть надежда прибрать к рукам все. Было о чем подумать... Киевский князь Ярополк Святославич повинен в гибели брата, хотя руку к этому не прикладывал. А Владимир Святославич, как младший брат погибшего, права на месть имеет, даже если это месть старшему. О Ярополке слышно, что слаб он, мягкотел. Конечно, и от этого мальчишки ждать чего-то не стоит, но кто знает. К тому же у него уй хитрый есть, такой подскажет, когда потребуется.

Чаша весов сомнений качнулась в пользу Владимира Святославича, боярин Ставр покачал головой:

– Князь Владимир Святославич мою Алохию сватает, Година.

– Да ну?

Это была не лучшая весть для самой Годины, у того целых три дочери-невесты, узнай он о намерении князя жениться, подсутился бы и предложил какую-то из своих.

Желая набить себе и дочери цену и стремясь выпутаться из положения, в которое сам себя загнал увертливым ответом, Ставр покачал головой:

– Да я говорю, что молода еще очень.

И тут же получил удар. Година поддержал его:

– Да, моя Светозара постарше на годик будет. И покрепче тоже.

Ни для кого не укрылось, что безразличие в голосе купца деланое. А тот продолжил:

– Думаю, что пора и ее невестой объявлять. Много за дочерьми дам, для каждой уже все заготовлено.

Говорил для Добрыни Никитича, а смотрел при том на Ставра. Добрыня усердно хлебал ушное, прикусывая пирогом и делая вид, что ничего не слышит, будучи занят трапезой.

Владимир знал дочерей Годины, средняя Веселка ему нравилась, она живая и лукавая. Старшая тоже ничего, только бы не младшая – кривоzubая Маешка. Может, удастся убедить

выдать сначала среднюю? Князь уже забыл о стоящей в стороне с закушенной губой Алохии и ее серых глазах.

Со двора боярина Ставра князь уходил уже женихом, хотя и жалел об этом.

– Лучше бы среднюю дочку Годины сосватать, она живеет этой Алохии.

Добрыня зло выговорил в ответ:

– Година купец, а Ставр боярин. Негоже князю на купеческой дочке жениться!

Надо же тому случиться, что навстречу попались им дочери купца Годины Рябого. Сам действительно рыжий и рябой, а две старшие дочери удались в мать – брови темные вразлет, кожа белая с румянцем, глаза лукавые под пушистыми ресницами. Только у старшей они карие, а у средней – Веселки – голубые. Хороша!

Князю и его ую поклонились низко, старательно сдерживая смешки и пряча любопытство, но стоило шагнуть дальше, тут же прыснули в рукава.

Владимир не удержался и кивнул им вслед:

– Нужно было взять Веселку, а Ставрову дочку второй женой.

Добрыня только коротко бросил сквозь зубы, чтобы слуги не слышали:

– Дома без чужих ушей поговорим!

Дорога до княжьего терема далась Добрыне нелегко, плотно закрыв дверь покоев, в которых собирался делать внушение племяннику, он буквально зашипел:

– Ставр за тебя и первой женой дочку отдаст только в надежде, что ты Ярополка за Олега убьешь.

Владимир стал словно вкопанный, вмиг забыв о дочерях Годины и о предстоящей женитьбе на Алохии тоже.

– Что я сделаю?! Ты обещал Ставру, что я убью Ярополка за Олега?!

– Я ничего ему не обещал, кроме того, что ты будешь хорошим мужем, в чем сомневаюсь. А Ярополку отомстить за брата ты обязан.

– Какой он мне брат? Да они оба одинаковые братья. Они меня знать не знали, презирали столько лет, а я теперь одному за другого мстить должен?!

– А как иначе ты собираешься на киевский престол сесть?

– Что?.. – спросил уже растерянно. – Я не собирался...

– Да, ты же мечтал быть простым смердом, или гридем, или вовсе рабом. Тебе престол ни к чему, ты забыл, что ты сын не только Малуши, но и князя Святослава! А еще, что мать твоя тоже не в капусте найдена, а в княжьем тереме рождена княгиней и от князя!

С каждым словом голос Добрыни становился все громче, к концу он гремел уже на весь терем.

– Но я...

– Что ты? Даже если бы твои братья не были князьями, ты обязан отомстить за гибель Олега. Он кровный брат! Иначе тебе ничьего уважения не видать: ни княжеского, ни боярского, ни даже холопского.

Владимир сидел, растерянно глядя прямо перед собой. Он не любил Ярополка, но и Олега тоже. А старшие братья не любили младшего. Но одно дело не любить, к тому же уехать далеко от них и жить по-своему, совсем другое воевать с Ярополком и править Киевом. Молодой князь чувствовал, что растерян, по-настоящему растерян.

Это понял и Добрыня. Рано племяннику такое на плечи брать, не готов он, но время не терпит. Не отомстить сейчас – будет ли еще повод пойти против Ярополка? Сказывают, в Киеве его любят. Хотя киевляне таковы, что их любовь завоевать нетрудно, но все же. Попытался объяснить Владимиру уже мягче:

– Тебе зятем Ставра надо стать, чтобы он дружину оплатил и новгородцев с тобой поднял. А купеческую дочь, если Година за тебя отдаст, можно и второй женой взять. Только не ту, которую ты норовишь глазами облапать, а старшую или даже младшую, тут как получится.

Несчастный юноша только вздохнул. Он хорошо владел мечом, прекрасно держался в седле, был ловок и силен, но идти во главе новгородцев против старшего брата не готов. Если бы против кого-то другого, на печенегов там или даже болгар, тогда да, а на Ярополка Владимир всегда смотрел как на продолжателя отцова дела. Не любил, завидовал, но признавал старшим братом и наследником Киева.

В таком состоянии Владимир не заметил важных слов Добрыни о своей матери-княжне. А зря, потому как это для Добрыни Никитича и было главным, куда важнее кровной мести Ярополку. Дядя много лет внушал, что тот не только потомок князя Святослава, но и князей древлянских, что он последний древлянский князь, потому как и Мала Древлянского, и его сыновей княгиня Ольга извела, оставив только детей – Малушу и Добрыню.

В Киеве Добрыня этого открыто не говорил, а в Новгороде исподволь напоминал частенько. Однажды Владимир поинтересовался у дяди, мол, выходит, что тот сам древлянский князь, если отец князем был. Добрыня помрачнел и коротко ответил:

– Нет! Я раб, а рабы князьями не бывают.

– Ты раб?

– Как и твоя мать. Мы сие добровольно приняли, когда подрастешь, скажу зачем. А пока учись всему, чтобы сильным князем стать.

– Древлянским?

– Сначала новгородским.

Владимир был еще слишком юн, чтобы серьезно о таких вещах думать, а Добрыня терпеливо ждал своего часа. Час этот пришел рановато, не готов еще племянник, совсем не готов... Но деваться некуда, придется использовать и такую возможность.

Свадьбу сыграли скромную и быструю. Свадебный пир был богатым (тут Ставр уступить не мог, все же выдавал замуж единственную дочь), но недолгим. Все делали вид, что верят названной Добрыней причине, мол, у князя брат только что погиб, не до пиров. Но все понимали, что Добрыня хочет взять все, что можно, у Ставра Любомировича и дать взамен как можно меньше. Он словно давал понять, что Алохия хоть и первая жена, но совсем не важна для князя, а Ставр Любомирович, несмотря на его богатство, всего лишь боярин.

Ставр обиделся и давно пожалел, что согласился на такое замужество Алохии, но отступать было поздно.

Семейная жизнь не просто не удалась, она и не могла удалась.

Жена оказалась крепкой, красивой девушкой, совершенно неопытной, но очень желающей угодить мужу. Князь же, несмотря на юный возраст, опыт имел немалый, и наивная послушная жена ему быстро надоела.

А когда мужчине, да еще и такому красивому любителю женщин, надоедает собственная жена, он начинает гоняться за чужими.

Сколько слез пролила Алохия, знали только она сама да служанки, сушившие по утрам подушки. Каждая хорошенькая холопка становилась добычей Владимира, каждая симпатичная боярышня или купеческая дочь удостаивалась его внимания. На счастье князя, ни у чужих жен, ни у драгоценных дочек осечек после близости с ним не бывало, а рождение ребенка у рабыни только приветствовалось – появлялся лишний раб.

Алохия быстро понесла, что позволило Владимиру вовсе не появляться в опочивальне у жены.

Роды были тяжелыми, но сын, названный Вышеславом, родился крупным и крепким.

Это на время примирило Владимира с женой, но, к ее несчастью, знахарка потребовала немного подождать, и князь снова пустился во все тяжкие, а его несчастная жена снова принялась орошать подушку слезами.

Боярина Ставра злили не только семейные несчастья дочери и собственная болезнь, но и собственная ошибка. Поверив, что Владимир Святославич вот-вот отправится на Киев на своего брата, чтобы отомстить за другого брата, Киев захватит и поставит под руку Новгорода, Ставр отдал за него единственную дочь и вложил немало средств на вооружение княжьей дружины.

Но Владимир никуда так и не пошел. Он охотился, бился учебными мечами со своими гридями, тискал девок по углам и изредка навещал беременную жену, чтобы помаяться у нее в опочивальне несколько минут с пустыми вопросами.

Делами Новгорода по-прежнему занимался Добрыня, да и какие дела, если Новгороду князь нужен только ради дружины, а воевать не с кем. Новгородцы не захватывали чужие земли, соседи сидели достаточно смирно, год прошел спокойно.

И вдруг...

– Ярополк Рогволодову дочь посватал...

Владимир не понял, почему дяде это не нравится. Ну, сосватал старший брат княжну Полоцкую, что в том? И так без жены засиделся. Сказывали, что сватал разных заморских княжон, да как только там узнавали, что князь не крещен, так и отказывались.

Владимир недоумевал:

– Да ведь крещен он! Я знаю, что крещен.

Дядя фыркнул:

– Вестимо, бабка ваша крестила мальчика от князя Святослава втайне. Но как он о том киевлянам сказать может? Вот и живет двоеверцем. А двоеверие вдвойне наказуемо!

Добрыня не раз заводил разговор о том, что кругом повинен киевский князь – и брата убил, чего бог Род не простит, и двоеверец, и слаб слишком... Но разозлить Владимира так, чтобы отомстить захотел, не получалось. Молодому князю хватало и Новгорода.

Он плечами пожал:

– Ярополк с Рогволодом дружны, даром что киевский князь полоцкому в сыновья годится.

– А ты никак рад, что твои противники вместе будут?

И снова племянник не обратил внимания на слова дяди, фыркнул:

– Так ежели Ярополк крещен, как он Рогволодову дочку взять может? Или полоцкий князь о том не ведает?

Добрыня воспользовался подвернувшимся случаем, посоветовал:

– Вот ты и объясни.

– А дочь у Рогволода хороша?

– Сказывают, очень.

– Так, может, мне посватать?

В первое мгновение Добрыня едва не плюнул в сторону князя в сердцах: чтоб ему! О чем бы речь ни зашла, все переводил на девок, словно иного в жизни не существует. И без того Алохия который месяц слезы льет. Только Рогволодовой дочке не хватало.

Но дядя умел соображать быстро, и едва Владимир закончил фразу, как Добрыня уже не только не злился на племянника из-за ненужного интереса к девкам, но и успел продумать все, чем такой поворот дела грозит и чем выгоден.

Грозил столкновением с Ярополком. Посватать уже сосватанную братом княжну значило плюнуть в лицо киевскому князю. Такого Ярополк простить не должен. А если простит? Но тогда покажет всем, что слаб.

В любом случае это означало столкновение с Киевом. Столкновение, которого так ждал Добрыня, но к которому пока все еще не готов Владимир. Но не ждать же, когда их внуки поссорятся?

И Добрыня насмешливо усмехнулся:

– Тебе Алохия не позволит.

– Буду я ее спрашивать! Отправлю сватов к Рогволоду, объясню ему, что Ярополк крещен, а я нет.

А вот этого Добрыне вовсе не было нужно. А ну как Рогволод и впрямь поверит и отдаст дочку за новгородского князя? Тогда не видать поддержки Ставра и тех, кто за ним стоит.

Но отговаривать племянника он не стал, все равно гонца сам пошлет, что надо, то и скажет. Да так, чтобы отказал гордый полоцкий князь новгородскому.

Ставр Любомирович с горечью чувствовал, что жизнь подходит к концу. Много было в этой жизни – и счастье, и горе, и любовь, и ненависть, и радость, и беда. Но вот пришла лихоманка, от которой спасу нет, лучшие лекари не помогали, самые дорогие дары богам не спасали, саднило в груди, тяжело дышать, все чаще кашель нападал такой, что подолгу останавливаться не мог.

Если б не это, разве он сейчас позволил бы Добрыне Никитичу по-своему повернуть?

Когда князь стал зятем, Ставр Любомирович был уже смертельно болен, не то прибрал бы князюшку к рукам, не позволил без толку мотаться по окрестным деревням и портить девок без счету. Но и на старшего брата – киевского князя Ярополка Святославича – натравливать тоже не стал. Всему свое время, а вину Ярополку можно припомнить, когда у самого сил будет побольше. Владимиру стоило бы сначала Новгород под себя крепко взять, и будь он поумней, давно попросил бы у тестя в том помощи, а не ссорился с женой.

Не будь Ставр так болен, он и Алохию бы приструнил, заставил терпеть все выходки Владимира, ради киевского престола стоило потерпеть. Но боярин понимал, что сам ничего не успеет, а помогать зятю, чтобы тот потом об этой помощи забыл, не хотелось. Ставр решил лучше оставить большое наследство внуку, завещать ему в Новгороде много всего, а пока повзрослеет опекуном назначить не его отца, а своего племянника. И Алохии оставить доброе наследство, но так, чтобы Владимир до него добраться не смог.

Главный доход Ставра – торговля мехами, в дальних северных землях, куда ходили люди боярина, соболей да куниц столько, что не перебить. Шкурки на боярский двор тюками привозили исправно, а дальше такие купцы, как Година Рябой, превращали шкурки в золото и серебро. Если ты умен и не ленив, в Новгороде можно стать очень богатым человеком.

У боярина свои люди всюду, он вести получал так же, как Добрыня, а иногда и раньше. Когда сообщили, что киевский князь Ярополк сосватал полоцкую княжну Рогнеду, Ставр Любомирович порадовался за Рогволода, которого неплохо знал. Конечно, это означало, что при желании путь на юг для новгородцев перекрыть еще легче, но ведь Рогволод и без того держался с киевским князем.

У Рогволода сильные сыновья, у них хорошая дружина. Но все это Ставра беспокоило мало.

И вдруг новость: князь Владимир решил тоже сватать Рогнеду Рогволодовну.

Первое, что спросил Ставр, услышав о такой глупости:

– Он рехнулся? Сватать сосватанную девушку, да еще и невесту старшего брата!

Добрыня, сообщивший такую весть, выглядел довольным. Неужели это он придумал?

Ставр тяжело дышал, хотя сильное тело не желало уступать смерти. Глаза впали, щеки тоже, но ум был светлым и пронизательным.

– Князю мало одной жены?

Добрыня понимал, что с этим человеком надо говорить открыто, потому вздохнул и объяснил:

– Рогволод не отдаст дочь за Владимира, коль Ярополку сосватана. Но Ярополк взъярится.

Боярин в очередной раз показал, что способен предвидеть события не хуже самого Добрыни:

– Ты хочешь выманить Ярополка на Владимира, чтобы нашему князю поневоле пришлось с братом схлестнуться?

– Ничего от тебя не скроешь, – проворчал Добрыня, хотя было заметно, что догадкой сородича он доволен.

– Смотри, не перехитри сам себя.

Не нравилась Ставру эта увертливость княжьего уя. Хитрым нужно быть не меньше, чем сильным или умным, но и для хитрости граница есть. А еще меньше ему нравилось поведение зятя. Он мальчишка, семнадцати нет, но блудлив по-взрослому. Алохия обижается, и она права, мог и потерпеть, пока дите носила, лучше бы свою силушку на дело приберег. В Новгороде ждали, что князь на Киев пойдет за брата мстить, готовились поддержать, Ставру завидовали – вона за кого дочь отдал, скоро Владимир над Ярополком верх возьмет и станет в Киеве княжить. А тестя, мол, в Новгороде оставит.

Право отомстить у Владимира было, пусть он и сводный брат, робичич, но мог поднять меч на киевского князя, никто бы и слова против не сказал, наоборот, подсобили.

Но Владимир и не собирался мстить и захватывать Киев, он женился, быстро сделал Алохии дитя и принялся девок по углам тискать, вызывая у жены ревность, а у тестя презрение.

Усмехнулся Ставр:

– А если Рогволод согласится отдать дочь за Владимира?

Добрыня поморщился, ему не нравилось, что в Новгороде не один Ставр, большинство бояр не звали князя по отчеству, только Владимиром. Конечно, он еще мальчишка, но ведь князь же.

– Значит, возьмет второй женой.

– Это ты мне говоришь?

Дяде Владимира пришлось постараться «не заметить» явной угрозы, прозвучавшей в голосе боярина. Но ему удалось, хмыкнул как ни в чем не бывало:

– У князя должно быть несколько жен. Не он один такой.

– Только не с моей дочерью. Не для того я ее растил, холил, чтобы Владимир Алохию в ряд с другими ставил. Не нравится мне то, что ты делаешь, Добрыня Никитич, совсем не нравится. И племянника погубишь, и нас всех. Не Владимиру с Ярополком Святославичем тягаться, хотя и тот слаб. Нет больше на Руси сильных князей... Смотри, не подведи нас всех под беду.

Сказал и ушел, а Добрыня, глядя вслед почерневшему от болезни Ставру, только зубами заскрипел:

– Ишь, раскаркался, ворон черный.

Сколько раз он потом корил себя за то, что не послушал родственника, и сколько раз радовался, что не послушал! Судьба Владимира, да и всей Руси могла бы сложиться совсем иначе.

Но гонец к Рогволоду Полоцкому с предложением отдать его дочь Рогнеду Рогволодовну за новгородского князя Владимира Святославича все же был отправлен. Конечно, Добрыней Никитичем, который все готов сделать ради дорогого племянника, даже полоцкому князю насолить.

С этого дня судьба Владимира круто изменилась.

Сам он едва ли сознавал, что же наделал. Им двигал мальчишеский задор и желание насолить брату. О том, что будет после этого сватовства, не думал совсем. А стоило бы.

Согласись Рогволод – Владимир потерял бы поддержку Ставра и его сторонников, тесть и без того обижен на зятя за слезы своей единственной дочери. Откажи полоцкий князь – он становился врагом Владимира, и Рогволода следовало наказать, только хватит ли у Владимира сил, ведь сыновья старого Рогволода сильны. Но в любом случае Владимир становился врагом Ярополка.

Добрыня понимал, что играет с огнем. Он точно знал, что Рогволод из двух братьев выберет старшего, а если оскорбленный Ярополк пойдет на Владимира, Новгород непременно встанет за своего князя, не может не встать. На Руси обиженных любят и многое им прощают.

Знал Добрыня и еще одно, о чем не говорил ни племяннику, ни Ставру: Древлянская земля не забыла Искоростень и готова помочь сыну Малуши взять Киев. Весть об этом на днях принес свой человек. Как только Ярополк пойдет на Владимира, Новгород вынужден будет встать за князя, а в нужный час Киев получит удар в спину от древлян.

Зажатому с севера новгородцами, а с юга древлянами, Ярополку будет тяжело выстоять. К тому же киевскому князю припомнят убийство брата, не важно, виноват он в нем или нет.

Владимир не подозревал, до какой степени является игрушкой в руках своего дяди, он по-мальчишески радовался возможности хоть как-то насолить старшему брату.

Полоцк предки разумно поставили – на высоком берегу Полоты, округу видно, крепостные стены крепкие, да и дружина у князя хороша. А для тех, кто с добром приплывал, удобные спуски к воде и пристани имелись.

Конечно, не как Киев на Днепре, но полочанам и того торга, что был, хватало. Лучше на Полоте сидеть, да не подвергаться бесконечным нападениям и разорениям, как Киев.

В общем, полочане были довольны своим торгом, своим городом, своим князем. Рогволод держал княжество крепко и правил твердой рукой.

Рос город, росла семья князя Рогволода. Двое взрослых сыновей, внуки уже, старшие дочери замужем, при родителях оставалась только младшая красавица Рогнеда. Всем удалась – рослая в отца-варяга, статная и стройная в мать, светлые с рыжиной волосы, брови вразлет и глаза, взгляд которых не всякий умел выдержать. Надменна княжна, цену себе знала. Можно бы и замуж, да до последнего времени подходящего жениха не имелось.

Дождалась – сосватал Рогнеду Рогволодовну сам киевский князь Ярополк. Куда уж выше на Руси? Рогволод дал согласие. Он хорошо знал Великого князя, тот будет во власти умной Рогнеды, а значит, никогда Киев не станет воевать Полоцк. Рогволод радовался готовящемуся браку.

В Киеве беда – брат встал на брата. Что там произошло в лесу, когда князь Олег убил Люта Свенельдича, в Полоцке не знали, только это убийство привело к вражде братьев и гибели Олега. Князь погиб нелепо – удирая от дружинников Ярополка за спасительные стены Овруча, воины Олега устроили давку на крепостном мосту и потолкали друг дружку в ров. Вместе со многими столкнули и князя, позже его нашли со свернутой от падения шеей. Воевода Свенельд мог радоваться – Ярополк остался у власти один. Тот, конечно, горевал из-за смерти среднего брата, считая себя виновным, но претендовать на Киев больше некому, робичич Владимир не в счет.

Вот тогда Свенельд и предложил Рогволоду сосватать Рогнеду киевскому князю. Хотя Свенельд вскоре помер, все же был стар, но дело сделать успел. Рогволод никому не говорил о своей договоренности с киевским воеводой, полоцкий правитель вполне оценил умный ход своего сородича. Все складывалось хорошо.

Не нравилось в будущем зяте Рогволоду только одно: его нерешительность.

Киевляне простили Ярополку гибель Олега, а для древлян что тот, что другой братья чужие. Их собственного князя Мала еще княгиня Ольга извела вместе со всем семейством. Конечно, Рогволод знал историю о Маловской дочери Малуше, что сына от князя Святослава родила, но кто брал в расчет и детей Мала, и его внука. Владимир младший из княжичей, к тому же Малуша уже рабыней была. А мало ли сыновей и дочерей рождались от князей в дальних городах и весях у служанок или просто чужих жен? На то он и князь, чтобы плод от него желанным был для любой, тем более от князя Святослава Игоревича – настоящего воина. И у самого Рогволода тоже семя далеко раскидано.

Нет, для своей дочери Рогволод такого не хотел бы, но на то Рогнеда и Рогволодовна, чтобы не быть как все. Она сумеет нерешительного Ярополка в руках держать.

Князь Ярополк княжну сосватал, но в Киев все не забирал. И это было унижительно, хотя Рогволод старательно делал вид, что сам не спешит отправлять свою любимицу в Киев.

Братья Рогволодовичи на ятвягов собрались, надо было кое-кого наказать за самоуправство. В Полоцке только старый Рогволод, но новгородский князь к нему посла и отправлял.

Словиша спешил в Полоцк со странным, даже опасным поручением.

В Полоцке его и трех сопровождавших дружинников встретили спокойно, князь, даже рожденный рабыней, все равно князь. Словиша оставил двух своих людей во дворе при лошадях, приказав не разнуздывать, мол, не задержимся, а с двумя другими прошел в большой зал, где сидел Рогволод.

Добрыня знал, кого отправить в Полоцк, Словиша не так давно служил у Рогволода, поссорился и ушел от князя. Он свободный человек, перейти на службу волен хоть к кому. Почему ушел? Захотел взять в жены дальнюю Рогволодову родственницу, что жила на его дворе скорее из милости. Князь отказал. Ладно бы просто сказал, что не отдаст или что сговорена с кем-то, но Рогволод унижил Словишу. Тот и ушел.

Увидев Словишу, Рогволод и не узнал дружинника, разве всех упомнишь?..

Услышав, что тот от новгородского князя Владимира Святославича, не удивился, с чем мог прислать Владимир своего посланника? Только с поздравлением по поводу сговора Рогнеды за Ярополка. Так велел обычай и вежливость. И что посольство не очень представительное, тоже понятно, не молодой еще Владимир в Новгороде правит, а его дядя Добрыня. Не хочет княжий уй прогнуться перед Рогволодом, вот и прислал разве что не скотника со своего двора. Этот «посол» кого-то Рогволоду смутно напоминал, но мало ли похожих людей?

Заносчив Добрыня не в меру, а перед полоцким князем что ж заноситься и важничать? Полоцк и без Новгорода и Киева крепко стоит, то, что с Ярополком породнятся, так это скорее Рогволодово снисхождение, чем честь, оказанная киевским князем.

Ладно, мысленно посмеялся Рогволод, у которого с утра было благодушное настроение, пусть поважничает Добрыня Никитич, скоро придет Рогволодово время, станет Рогнеда киевской княгиней, тогда и Добрыне с его племянником заносчивость припомнится.

Но когда Словиша начал говорить, добродушное настроение князя вмиг слетело.

Словиша не поздравлял, он передал пожелание князя Владимира Святославича видеть княжну Рогнеду Рогволодовну своей второй женой!

Князь даже глаза вытаращил:

– В Новгороде не ведают, что моя дочь за киевского князя Ярополка Святославича сосватана?

– Сосватана не значит жена. Откажи князю Ярополку и отдай ее за моего князя.

Старый Рогволод повернулся к жене и захохотал:

– Ты только послушай, что предлагает этот щенок! Позови Рогнеду, пусть тоже послушает!

Рогнеда вошла в трапезную, привычно гордо неся свою красивую голову. Эта княжеская стать воспитывалась в ней с самых малых лет. Княжне внушали, что она лучших кровей, что она красавица. Так и было, породниться с Рогволодом женитьбой на Рогнеде мечтали многие, да только княжна меньше как за равного себе князя и не помышляла.

Рогволод показал дочери на посланника князя Владимира:

– Рогнеда, новгородский князь Владимир сватает тебя за себя. Не хочешь ли за него замуж?

Рогнеда с изумлением смотрела не на огромного новгородца, принесшего такую весть, а на отца. Почему тот спрашивает, ведь она сосватана за Ярополка? Неужели киевский князь посмел отказаться от уговора?! Но глаза полоцкого князя открыто смеялись, и княжна поняла, что отец просто хочет поиздеваться над посланником. Она презрительно повела плечиком:

– За робичича? Нет, отец, разуть робичича не хочу! Я за Ярополка сватана, за него и хочу!

Рогволод был доволен ответом дочери, такой и ожидал. Пусть новгородец увидит, что предложение его князька вызывает у Рогволодовичей только смех.

– А тебя я вспомнил. Ты уже получал от меня отказ для себя, теперь желаешь получить за князя? Зря я тебя тогда просто выставил, надо было обвалить в дегте и перьях.

Словиша с усмешкой склонил голову и удалился. Князь фыркнул вслед:

– Пусть Владимир будет благодарен, что не выкинул его посланника за дверь как щенка! Робичич посмел просить в жены высокородную княжну!

Как расслышал Словиша слова князя, произнесенные вполголоса, неизвестно, но у двери вдруг обернулся и покачал головой:

– Не пришлось бы, князь, плакать за свое бахвальство...

Словишу спасло только то, что Рогволод и остальные просто замерли от таких слов, а конь посланника стоял рядом с крыльцом. Полоцкий князь заскрипел зубами:

– Щенок! Тотчас же пошлю к Ярополку с известием о его наглости, пусть ответит братцу за обиду своей невесты!

Сама Рогнеда тоже полыхала гневным румянцем. Вот еще, идти замуж вместо высокородного киевского князя за его брата, рожденного рабыней-ключницей! Не бывать тому! Даже если бы и не была сосватана за Ярополка, все равно Владимир не ровня, не пошла бы за такого.

Рогволод, кажется, понял мысли дочери, осторожно поинтересовался:

– А если бы еще не сосватал Ярополк, пошла бы?

Рогнеда гордо вскинула голову:

– За робичича даже в неволе не пошла бы!

Князь расхохотался:

– А он, говорят, хорош собой. Глаза синие-синие, как у его деда князя Игоря Рюриковича, статен, высок...

– Ну и что?! Его мать ключница!

Вечером Рогволод жаловался жене:

– Времена пошли дурные. Каждый щенок мнит себя матерым псом. Кабы не моя хромота и ранение, сам отправился бы в Новгород наказать наглеца!

Княгиня покачала головой:

– Наказывать дело Ярополка Святославича, не твое. Не яришь раньше времени, пусть братья сами разберутся.

В ее голосе была тревога.

– Чего ты боишься? Кто это Рогволода унижал безнаказанно?

– Сердце чует беду. Непокойно что-то.

Если бы знала княгиня, как окажется права! Но человеку не дано знать наперед, как любое его слово отзовется.

Словиша вернулся из Полоцка не просто с отказом, но с оскорбительным отказом! Полоцкая княжна ответила, что не желает разуть робичича.

Добрыня усмехнулся:

– А чего ты ждал?

Владимиру хотелось сказать, что он не ждал ничего, что сама задумка сватать уже сосватанную невесту нелепа, а Ярополк только разозлит. Но он лишь дернул плечом:

– Мог бы просто сказать, что другому обещана. Робичича она разуть не хочет! Ишь, какая...

Добрыня не обращал внимания на гнев племянника на надменную Рогнеду, он ждал, когда взбесится Ярополк. Но киевский князь повел себя совершенно непонятно и для Добрыни, и для Рогволода. Он промолчал, словно не заметив наглости младшего брата.

Это страшно обидело полоцкого князя и разозлило Добрыню.

– Это его христианский обычай!

– Какой? – удивился Владимир.

– Коли тебя ударили по левой щеке – подставь правую.

– А разве у нас не так? Тоже ведь так говорят.

– Да, но продолжают. Забыл? «Коли тебя ударили по левой щеке – подставь правую за то, что позволил себя ударить!» Нет больше князей в Киеве! Да и не было.

Вторая выдумка тоже принадлежала Добрыне, но подвел он хитро, Владимир словно и сам придумал:

– Так ведь жену не только сосватать, но и умыкнуть можно?

Зачем Владимиру, у которого уже была жена и даже сын, который ни разу не видел Рогнеду, только слышал, что та хороша собой и надменна, умыкать полоцкую княжну?

Ладно, об этом не подумал сам новгородский князь, когда тебе едва исполнилось семнадцать и кровь играет вовсю, затмевая разум, думается плохо. Но почему согласился Добрыня?

Ставр, узнав, что князь собирает дружину, заподозрил неладное, сам пришел к Владимиру:

– Куда пойдешь, Владимир Святославич?

Тот дернул плечом: мало того, что дядя с советами лезет, так теперь тесть добавился. От уборов за свою дочь к наставлениям, как себя князю вести, перешел?

Ответил почти надменно:

– Рогволода за неуважение наказать хочу.

– За какое, князь? Рогволод Полоцкий никогда невежлив не был.

Добрыня слушал, пока не вмешиваясь.

– За зазнайство.

– В чем оно, в том, что отказал тебе в засватанной дочери? Зачем тебе княжна, одной жены мало?

Владимир усмехнулся:

– А твоей дочери не захочется быть старшей женой, когда гордая полочанка во вторых ходит?

– Моей дочери хочется вообще быть женой, князь, а не лить слезы всякий день. Натворишь бед с дурной подсказкой, всем миром не расхлебаем.

Не обмануло боярина сердце-вещун, не послушал его доброго совета Владимир, напротив, прислушался к подстрекательским речам Добрыни.

Узнав, что князь с дядей и дружиной все же ушел в Полоцк, Ставр со вздохом сообщил Алохии:

– Быть тебе вдовой. Зато освободишься.

Несчастливая женщина взывала:

– О чем ты говоришь, отец?!

– О том, что моего глупого зятя Рогволодовичи просто убьют.

Но боярин Ставр ошибся. Добрыня Никитич, как всегда, рассчитал точно – Рогволодовичей не было в Полоцке, они еще не вернулись.

Рогволод появлению новгородского князя удивился. Владимир думает, что, увидев его голубые глаза, Рогволод или его дочь растают и согласятся сменить князя Ярополка на младшего брата, который и в Новгороде сидит из милости Киева и самих новгородцев? Ну, князь мальчишка глупый, с ним ясно, а почему его разумный уй Добрыня допускает?

Но увидев насмешку в глазах Добрыни Никитича, понял, что не все так просто.

– Князь Владимир, я рад твоему приезду, но чем он вызван?

– Я за твоей дочерью приехал, князь Рогволод.

Уже чуя недоброе, Рогволод все еще пытался решить дело по-хорошему.

– Рогнеда сосватана за твоего старшего брата, князь. – Хотел добавить, что Владимир знает об этом, но не стал. – Кто же просит засватанную невесту?

– Я. И я не прошу. Твоя дочь мне дерзко отказала.

– У нее крутой нрав, князь.

Рогволод уже понял, что ничего хорошего не выйдет. Этот щенок точно подгадал, когда сыновей с дружиной в Полоцке не будет, пользуясь силой, он сейчас вынудит Рогволода расторгнуть помолвку с киевским князем и согласиться на брак Рогнеды в качестве второй жены. И тогда оскорбленному Ярополку не останется ничего, кроме как разорить Полоцк.

Конечно, Ярополк тоже виноват, чего тянуть со свадьбой? Сосватал и брал бы в жены, но старший из сыновей князя Святослава Игоревича невесту в кого удался – воин хороший, а нерешительный, не в отца. Вот и дотянул.

Однако злился Рогволод не на Ярополка, а на новгородского князя, который явился требовать того, что ему принадлежать не могло.

Рогволод решил вытерпеть все, не противиться, но и ничего не обещать. Нельзя сватать княжну, пока прежняя помолвка не расторгнута, полоцкий князь решил стоять на этом твердо. Он так и сказал Владимиру.

Голубые глаза князя заискрились жесткой насмешкой:

– О помолвке думать надо было, когда я сватал. Попросил бы подождать, объявил моему братцу, что Рогнеда не про его честь, и отдал дочь мне. Второй женой. Но если бы протянул, то стала бы и третьей, в Новгороде кроме боярышень еще и купеческие дочери есть...

Это была откровенная пощечина. Рогволод не мог не знать, что у Владимира уже есть жена – дочь боярина Ставра – и что немало купцов согласилось бы выдать за князя своих дочерей.

Рогволод тянул, сколько мог, он даже решил предложить Владимиру обсудить все во время пира, но тот отказался. Святославич прекрасно понимал, почему тянет полоцкий князь, – надеется, что успеют сообщить его сыновьям и те вернутся. Но Добрыня предусмотрел и это – вокруг Полоцка для перехвата люди поставлены, не допустят гонца к Рогволодовичам. К тому же те слишком далеко.

– А ныне мне она женой не нужна...

– А кем?!

– Посмотрю, может, за своего конюха отдам, а может, просто рабыней сделаю.

– Она княжна!

Это последнее, что он успел сделать. Не будь Рогволод ранен на охоте, он оказал бы большее сопротивление, но и только. Когда трое или четверо на одного, даже сильный человек проигрывает, если безоружен. Рогволода скрутили и связанного усадили на лавку.

В руках двух дюжих дружинников билась княгиня Полоцкая. Ей даже затолкали кляп в рот, чтобы криками не привлекла в терем защитников.

– Ну, так что, князь, все еще желаешь выкинуть меня за ворота? – Словиша острием кинжала поднял подбородок Рогволода. – Или уже передумал?

Рогволод только зубами заскрипел.

В ту минуту в покои ввели Рогнеду. Девушка смотрела на незваных гостей с недоумением, но когда увидела отца, попыталась броситься к нему:

– Отец! Что это?!

Ее остановили, правда, не смея скрутить, как князя и княгиню.

С княжной стал говорить Владимир:

– Так я тебе не люб? Не достоин тебя, Рогнеда Рогволодовна?

Девушка горделиво выпрямилась:

– Я Ярополкова невеста, князь Владимир Святославич. Помни о том и отпусти моих родителей, как бы худо не было.

Бровь князя изогнулась:

– Была невестой. Не думаю, что киевский князь тебя возьмет после моих дружинников.

Рогволод от таких слов зарычал, пытаясь порвать путы, веревка попала на не сросшуюся еще кость, и в глазах у полоцкого князя почернело. Сквозь меркнувшее сознание он услышал, как в покои вернулся Добрыня и посоветовал:

– Бери ее, Владимир, уж скорей, да уходим. Горожане собираться начали, как бы беды не накликать.

По указке Добрыни из покоев наружу с ним вышли четверо, в самой комнате кроме Владимира и Словиши остались еще двое. У молодого князя с дядей был уговор перекинуть Рогнеду через седло и умчаться в Новгород, мол, куда она там денется – и разуть согласится, и детей рожать тоже. И Рогволод не станет противиться, пришлет людей с миром.

Но когда Добрыня приказал брать Рогнеду, и Словиша, и сам Владимир поняли совсем иначе. Собирающиеся горожане увезти сворованную княжну не позволят, значит, Добрыня имел в виду совсем иное?

Словиша об уговоре князя и его дяди не знал, а потому в словах Добрыни не усомнился.

Рогнеда стояла, озираясь и ища спасения, которого не было.

Она заметила облизывающегося Словишу, который, видно, прикидывал, что будет первым, кто получит заносчивую полочанку.

Мать Рогнеды повисла на руках у дружинников без памяти. Ее просто положили на ковер.

Владимир вдруг решил не сразу отдать Рогнеду дружинникам, а самому сначала взять ее. Так поступали варяги – первым брал самую красивую женщину тот, кто возглавлял набег, если женщина нравилась и было желание.

Рогнеда нравилась, и желание появилось. На мгновение Владимир даже пожалел, что так все сложилось, согласись она выйти за него замуж, красивая жена была бы и дети красивые.

Даже будь у Рогнеды ее кинжал, с пятью сильными мужчинами все равно не справилась, но хотя бы вонзила его себе в сердце. Но она была безоружна – только ногти и зубы. Поняв, что сейчас произойдет, девушка в ужасе закричала и стала отбиваться, как разъяренная кошка. Рогнеда рычала, кусалась, царапалась... Ее крик привел в чувство и отца, и мать, но помочь дочери Рогволод с женой не могли. Князь лишь в бессильной ярости катался связанным по полу, а княгиня била ближайшего дружинника по ногам, пока тот не ударил ее саму по голове, чтобы затихла.

Ударить пришлось и Рогнеду. Потеряв сознание, она не перестала биться под Владимиром, видно, слишком страшно терять честь. Но вскоре и Рогнеда обмякла. Соппротивление поваленной на пол княжны только распалило князя, он наскочил так, как не насакивал на

девок даже во время набегов на соседские заимки, когда нужно было очень спешить. Рядом стоял в ожидании своей очереди Словиша.

Но очередь не дошла.

В дверь ворвался встревоженный Добрыня, окинул взглядом неприглядную картину, понял, что племянник принял совет взять девушку буквально и последовал ему, но ругать было некогда.

– Князь, уходим! Да брось ты эту девку, слышишь? Пошли скорей!

В голосе Добрыни звучала тревога. Это плохой признак.

Владимир вскочил, не глядя на расprostертую на полу Рогнеду, на вопрос Словиши «А с этими что делать?», заданный о родителях девушки, не задумываясь, сделал жест поперек горла.

О Рогнеде и желании ею обладать Словиша забыл уже через несколько мгновений за дверью покоев, когда на его голову опустилось что-то тяжелое. Правда, слуга, обрушившийся на новгородца первое, что подвернулось под руку, – бадью, тут же был убит дружинником, но раскроить череп бывшему свату и убийце князей успел.

Из княжьего терема Владимир и Добрыня со своими людьми выбирались, разя слуг налево и направо, к воротам пробивались сквозь толпу возмущенных горожан, а выходили и вовсе под защитой тучи выпущенных стрел и прикрывшись щитами.

В Полоцке уже поняли, что у князей не все в порядке, поспешили на двор, а там незваные гости навстречу... Против стрел и мечей безоружные полочане поделаться ничего могли. От неожиданности горожане промедлили и позволили князю с его дружиной выйти и даже удрасть.

Рогнеда пришла в себя не сразу, а когда открыла глаза, пожалела, что открыла.

Она с трудом поднялась на корточки, подползла к отцу и матери, с ужасом вглядываясь и не веря, что самое страшное произошло, прошептала:

– Родные, простите, что не умерла, прежде чем он обесчестил меня... Я отомщу...

И без сил упала поперек родительских тел без чувств.

Так ее и нашли слуги.

Через день в Полоцк вернулись братья Рогволодовичи.

Они почернели от страшных новостей.

Рогволодовичи решили, что жизнь положат, чтобы отомстить новгородскому убийце.

– Удрал тать в Новгород, не догонишь. А если и догнать, то с новгородцами воевать придется.

Рогволодовичи понимали, что на их стороне правда и Полоцк силен, но воевать с Новгородом только со своей дружиной значило положить лучших в ней людей. За родителей отомстят, но княжество погубят. Было решено собрать и вооружить еще людей, чтобы не с голыми руками, не с рогадинами на Новгород идти.

А вот просить помощь в Киеве почему-то в голову не пришло. Но и Ярополк не подумал отомстить за убийство несостоявшегося тестя. Он даже не поинтересовался судьбой своей невесты, чему та была рада.

В Полоцке решили:

– Сами отомстим!

Только что теперь делать с сестрой, Рогнеда крута, может и в Полоту с верхней башни прыгнуть. Или вон в погребальный родительский костер.

Рогнеда поняла их сомнения, глядя сухими горящими глазами, заверила:

– Я ничего с собой не сделаю, пока не отомщу. Сама в седло сяду и меч в руки возьму, чтобы иметь возможность ему горло перерезать!

Все, кто слышал, не усомнились, что так и будет.

Погребальный костер полоцкого князя был огромен. Вместе с ним по настоянию Рогнеды положили и всех полочан, погибших во время ужасного визита новгородского князя. В основном это были слуги, вставшие на пути людей Владимира, безоружные против вооруженных, они были посечены.

Троих убитых новгородцев хоронить не стали и родственникам их трупы отдавать тоже, выбросили за городские стены на съедение птицам и зверям.

В центре города на площади, где князь Рогволод совсем недавно собирал людей, чтобы объявить о предстоящей свадьбе своей дочери Рогнеды с киевским князем Ярополком Святославичем, теперь бушевало пламя. И Рогнеда, глядя на рвущиеся к небу языки, шептала клятву о мести, обещая убить князя Владимира Святославича!

Княжну поддержали и кривичи, Рогволода, несмотря на его жесткую руку, любили и уважали, страшная гибель князя была ударом для его людей. Как ни скрывали, но большинство догадалось о бесчестии Рогнеды Рогволодовны, особенно когда князь Ярополк не забрал названную невесту в Киев. В том не было ее вины, но поплатилась она. Владимир не просто убил родителей полоцкой княжны, он погубил и ее жизнь. Теперь им вдвоем не жить.

Отомстить и за смерть родителей, и за сестру должны Рогволодовичи, это их святая обязанность.

Сразу после погребальной тризны в разные концы Полоцкого княжества поспешили гонцы с сообщением о подлости князя Владимира Святославича. Несли весть об убийстве князей, об отвергнутом сватовстве, вот только о бесчестии Рогнеды ни слова. Не стали братья о том никому верить, даже из слуг мало кто знал, хотя многие быстро догадались...

В ответ на страшную весть в Полоцк потекли вооруженные люди, княжество было готово мстить за Рогволода и его княгиню.

– Не Новгороду объявляем войну, но князю Владимиру Святославичу! Пусть его выдадут на расправу! – такое послание полетело на Волхов.

Но Рогволодовичи опоздали...

Глава 2

Варяг

В Новгороде была ночь, когда в дверь княжьей опочивальни постучал слуга:

– Князь, тебя Добрыня Никитич кличет. Срочно.

На постели вскинулась Алохия:

– Что случилось?

Владимир раздраженно отмахнулся:

– Ничего, спи!

Нелюбимая жена не радовала даже пышным, послушным телом. Именно послушанием и раздражала, своей готовностью подстроиться, сделать, как лучше ему. А князю хотелось сопротивления, уже которую ночь он невольно вспоминал бешеную ярость полоцкой княжны. А Алохия? Наверное, и в таком страшном случае постаралась, чтобы насильнику было удобней!

Понимал, что несправедлив к жене, нечестен с ней, но поделать с собой ничего не мог.

Но сейчас не до Алохии. Дядя никогда не звал его посреди ночи, если возникали какие-то вопросы, решал их сам и только потом вскользь упоминал об этом племяннику. Новгородом правил Добрыня, а не его племянник-князь. И с этим никто не спорил, в том числе сам Владимир.

Вызов посреди ночи означал какую-то немыслимую опасность.

Что душой кривить, Владимир и сам понимал, откуда может быть эта опасность, но он все равно надеялся на умение дяди все рассчитать заранее, обо всем договориться или защитить, если договориться не удастся.

И все же, что случилось? Оскорбленный Ярополк вызывает его в Киев? Вознамерился устроить судилище там?

Добрыня Никитич мерил шагами свою опочивальню, покусывая ус.

Впервые в жизни Владимир видел, чтобы дядя был так встревожен. Князю казалось, что Добрыня Никитич всегда спокоен и уверен в себе, его ничем не испугать, он знает, что и когда сделать, как поступить, и словно предвидит последствия любого поступка.

Почему же теперь он так волнуется?

Но спрашивать об этом нельзя, не ответит.

Добрыня сказал сам:

– Из Полоцка весть принесли. Рогволодовичи против тебя силу собирают и в Новгород прислали, чтобы тебя выдали за убийство князей. Я пока гонца перехватил, да только надолго ли спрячешь.

– А... Рогнеда? – осторожно поинтересовался князь.

– Сдалась тебе эта девка! – разозлился Добрыня. – Попугал бы и ладно, так нет, полез со своим... на непаханое поле. А Рогволода зачем убить приказал?

Дядя обвинял его в том, что сам же и затеял. Это означало, что дело плохо.

– Что теперь делать?

– Не знаю! – почти взревел Добрыня. – Если новгородцы узнают, в чем Рогволодовичи тебя обвиняют, то, чем подвиги совершал, сами отрежут.

Мгновение Владимир смотрел на дядю с недоумением, да ведь Добрыня сам призвал наказывать девку в случае отказа, пусть, мол, Ярополку достанется порченной. Сказать об этом не успел, Добрыня заявил:

– Бежать надо спешно.

– Бежать?!

– Завтра будет поздно.

– Ночь на дворе. Алохия с Вышеславом спят.

– Ты никак бабу с собой тащить собрался? Племянник, ты глуп. На кону его жизнь, а он о бабе думает. Алохию отец защитит, у него силы достанет, а тебя некому.

– Так и я могу Ставровых людей поднять, к тому же наши собственные дружинники есть. Да новгородцы встанут. Неужели полочан не осилим?

– Думаешь, Ставр станет за блудливого зятя своих людей класть? Или новгородцы за тебя стеной встанут, чтобы ты и дальше их девок портил? Нет, Владимир, Новгород больше не твой, он тебя выдаст на съедение. Хорошо если твоего Вышеслава княжить оставят. Бежим.

– С Алохией и сыном попрощаться хочу.

Но Добрыня не позволил и этого. Бежали как тати в ночи на небольшой ладье с тремя только дружинниками, захватив запасную одежду, оружие и большой ковчежец с золотом. Владимир смотрел на чернеющие на предзакатном небе крепостные стены новгородского Детинца и гадал, сможет ли вернуться. И вообще, куда они плывут, где может найти пристанище опальный князь?

А вот это загадка, ведь в Киев ему нельзя, Ярополк только и ждет, чтобы наказать обидчика. Вернее, пока не ждет, но дурные вести быстро летят.

Владимир с дядей плыли на север, как сказал Добрыня, сначала по Волхову в Альдейгю, а там будет видно. Погони не было, но в Альдейгье все равно рассиживаться нельзя.

Чтобы быстрее уйти от Новгорода, взялись за весла все, в том числе и князь.

Владимир работал веслом и размышлял. Он был чужим в Киеве, братья смотрели свысока, не обижали, нет, но и в свою компанию не брали. Ярополк и Олег сыновья Преславы, а он робичич, рожденный Малушей. Владимир мог быть сильнее, умней, хитрей, но всегда был на ступеньку ниже потому, что его мать носила на руке связку ключей от княжских закровов.

Всю свою недолгую пока жизнь Владимир разрывался между желанием стать выше братьев, подчинить себе весь мир или уйти в вольное братство сильных мужчин, где никто не считается с происхождением, где главное ты сам, а не то, кем была твоя мать.

Совсем недавно казалось, что возможно первое, он был князем Новгорода, способного потягаться силой с Киевом, теперь же оставалось только второе.

В детстве маленький Владимир с завистью смотрел на рослых, огромных по сравнению с ним бородатых мужчин, хохотавших и разговаривающих грубыми голосами, на их обветренные лица, заплетенные в косички бороды, блестящие доспехи, на то, как легко они ворочают огромные тяжеленные весла. Варяги...

Княжич попытался и взяться за такое весло, но не сумел даже поднять его над водой. И меч варяжский ему был не по силам.

Прошли годы, не только поднимать меч, но и рубить им научился, а весло вот теперь пришлось взять в руки. И легче оно за это время не стало.

Владимир чувствовал, что это весло вообще тяжелеет с каждым гребком, а руки просто отваливаются.

Ничего, золото позволит нанять варяжскую дружину и вернуться с силой, которой и Рогволодовичи вряд ли смогут противостоять! Конечно, обидно вот так – тайно, но бывает, когда беда оборачивается победой. Едва стены Новгорода скрылись из вида, Владимир воспрянул духом. Нет, новгородцы не станут гнаться за своим князем, им проще признать, что он бежал, и развести руками.

В Альдейгье почувствовали сложное положение князя и его дяди и этим воспользовались. За хорошую ладью, способную идти под парусом и пересечь хотя бы Русское море, запросили столько, что ни о каком наеме варяжской дружины речи после этого идти не могло. Но и выхода не было. Добрыня купил кнорр – небольшой драккар викингов, годный больше для перевозки товаров, чем для войны, но они не собирались воевать. Владимиру объяснил просто:

– В Хедебю или Сигтуну не пойдем, а здесь и кнорра с его скоростью хватит.

– А куда пойдем?

Ответа не получил...

Владимир усмехнулся: князь-изгнанник... Да нет, не изгнанник, сам сбежал, что еще хуже. На Руси князь, который бежал, больше князем не считался.

Нево озеро-море строптивное, еще седмица – и начнутся бури, на которые оно гораздо. Говорят, что Озерный бог с Морским спорят, все поделить бывшее море, которое теперь озеро, не могут, потому и гневливое оно.

Золота в ковчежце осталось на дне, ради такого и грабить глупо. Команду на сам кнорр подобрали такую, что с ней тоже только грабить. Покупка оружия «съела» последние деньги, но без него никак. Что толку от отменного меча у князя, если его люди на его судне без щитов и хороших луков?

Только кормчего Добрыня взял опытного, из новгородских. Кормчий на судне главный, он важнее конунга, особенно если в море. В бою распоряжается конунг, а в море кормчий.

Добрыня о чем-то долго беседовал с ним в стороне, они рисовали прутиками на земле и сразу стирали, закончилось все недоуменным вопросом кормчего и утвердительным ответом Добрыни, после чего и его собеседник тоже кивнул.

На следующий день после того вышли из Альдейгьи.

Владимир никогда не ходил в эту сторону, сюда вообще без надобности не ходили. Не только Нево строптиво, и на Волхове пороги пройти непросто. Но вот жизнь заставила...

Князь слышал, что купеческие ладьи, как выйдут из устья Волхова, поворачивают на запад, чтобы, обогнув большой мыс, войти в реку Нево, соединяющую Нево с Варяжским морем. Река тоже строптива, как и все в этих краях, у нее пороги, а осенью ветер разворачивает воду обратно из моря в Нево, из-за чего Озерный злится и начинаются бури.

Но, выйдя из Волхова, они почему-то повернули на восток и пошли на виду у берега, который скоро свернул на север. Владимир услышал, как заворчали гребцы, но кормчий прикрикнул на них, и все смолкло.

Нево пожалело их, не наслав бури или даже сильного встречного ветра, что часто бывает в этих местах. Все равно мощь озера-моря чувствовалась, они шли в виду одного берега, а другой оставался где-то далеко на заход солнца. Кормчий сказал, что ширина Нево больше шестидесяти верст, а длина и вовсе две сотни. Северный берег весь, как у сканов, изрезан шхерами, в северной половине острова с удобными бухтами.

– Чем они живут?

Добрыня с изумлением посмотрел на задавшего вопрос племянника:

– Грабежом!

– Кого здесь грабить, даже рыбаков не видно?

– Здесь два пути проходят от сканов – в Новгород и дальше на юг и через Белое озеро и булгар в Хвалиское море к арабам.

– И караваны грабят?

Добрыня довольно хмыкнул:

– А как же!

– Надо навести порядок.

– Об этом, князь, нужно было думать, пока в Новгороде сидел. Об этом, а не о девках.

Хотелось спросить, как надеется дядя пройти мимо этих самых грабителей, но Владимир не решился, понимая, что дядя снова его высмеет.

Князь крепче ухватил рукоять весла. Вода здесь такая, что ли, но весло становилось с каждым взмахом все тяжелей.

К вечеру пристали к берегу, быстро разбили лагерь, но широко располагаться не стали, и кормчий, и сам Добрыня Никитич явно чего-то боялись. Вокруг ни дыма, и с воды ничего не было видно, чего они пугаются?

– Здесь воинственные местные жители?

Добрыня помотал головой:

– Нет, опасность там, на воде...

Значит, дядя все же боится этих самых озерных разбойников.

С первыми лучами двинулись дальше, к полудню вместе с берегом повернули снова на запад, и тут произошла встреча, которую явно ждали и которой боялись. Впереди показались три драккара, тут же поспешивших к их кнорру. Добрыня крикнул:

– Щит!

Племянник, недавно сменившийся на веслах, бросился подать ему обычный червленый щит, но дядя отмахнулся, принимая другой у ближайшего дружинника. Щит странный – внутри он был белым. Именно этой стороной Добрыня и прикрепил его на нос. Только тут Владимир заметил, что голова дракона снята, а ее место пустует.

Да, он слышал о таком обычае: голову снимали и прикрепляли белый щит, чтобы показать, что идут с миром.

Верно, с тремя двадцативесельными драккарами одним кнорром не повоюешь. Но что-то подсказывало, что Добрыня сам искал встречи с этими людьми. Варяги? Но золота больше нет, нанять их не на что, самим наниматься в дружину, конечно, почетно, но едва ли возьмут...

С приблизившегося первым драккара что-то закричали, в ответ Добрыня упомянул имя Харальда Свирепого.

Их кнорр окружили, на борт прыгнули несколько хорошо вооруженных крепких викингов, а к рулевому веслу встал еще один. Дальше следовали именно так: впереди шел один драккар, позади другой, третий отправился дальше по своим делам, но и этих двух хватило бы в случае сопротивления. Однако никто сопротивляться не собирался.

Они подошли к большому острову, оказавшемуся группой островов с множеством удобных бухт и хорошими проходами во внутренние озера.

На берегу заметили приближение конвоируемого драккарами кнорра, как обычно, вперед выступили похватавшие оружие мужчины. Даже при том, что два драккара свои, опасаться все равно стоило.

На берег новгородцы сошли спокойно, но в окружении вооруженных крепких людей чувствовать себя уверенно не получалось. Добрыня оглядывался...

– Эй, Добрыня Хитрый, ты ли это? – раздался громоподобный голос со стороны. При звуках этого голоса варяги повели себя иначе, они расступились, явно выказывая уважение его обладателю.

– Харальд, я не ошибся, когда направлял нашу ладью сюда, – обрадовался Добрыня.

Владимир смотрел на дядю во все глаза, значит, тот знал, куда плывет, он знаком с хозяином этих мест? Почему же не сказал?

– Как ты узнал, что я здесь?

– Брунгильда сказала.

Харальд хмыкнул чуть смущенно, хотя казалось, что смутить эту гору мышц невозможно:

– Эта женщина всегда все знала. Куда спешишь?

– Сейчас никуда. Мы переживем у тебя зиму?

Харальд нахмурился:

– Тебе нужна помощь?

– Нужна.

– Хорошо. Пойдемте в дом. Ветер поднимается. А это кто? – Он кивнул на Владимира, смерив князя цепким взглядом с головы до ног.

– Это мой племянник Владимир, сын Малуши.

– Постой, постой... Малушин сын ведь князь в Новгороде, я так слышал.

– Был князем. Говорю же – помощь нужна.

Очередной порыв ветра хлестнул их ледяными брызгами, даже варяги не любили зря мокнуть, потому все отправились в большой длинный дом, темневший в стороне.

По пути Владимир осторожно поинтересовался:

– Откуда ты знаешь этого Харальда?

– Наши матери сестры.

– Ты сын варяжки?!

– Нет! Мою тетку захватили на торге в Киеве, никто из киевлян не вступился, когда Хамунд Рыжий Любаву увез. Только через много лет она сумела восточку передать, что замуж за викинга вышла, троих сыновей и пять дочерей родила. Один из этих сыновей – Харальд. Он бывал в Киеве, когда ты был совсем малышом. Тогда мы и встретились. У него наш знак родовой, по знаку догадался, а уж потом он рассказал о матери со славянскими корнями.

– А кто такая Брунгильда?

– Тебе лучше не знать. – Когда у Добрыни такой голос, то продолжать расспросы бесполезно и даже вредно для здоровья. Владимир перевел разговор на другое.

Ели, пили, славили в тостах Харальда Свирепого и его отца Хамунда Рыжего... Снова ели, снова пили... На Владимира уже перестали обращать внимание, рядом с рослыми, сильными мужчинами он чувствовал себя мальчишкой.

К Владимиру подсел молодой мужчина:

– Я Торкиль, сын Харальда. Мы с тобой двоюродные братья, если наши бабки сестры.

– Да, наверное, так.

– Я слышал, что ты конунг в своей земле?

– Был конунгом, – постарался скрыть вздох Владимир.

– Тебя выгнали?

Князь с неохотой процедил сквозь зубы:

– Нет, сам ушел.

– Ладно, – согласился Торкиль, – потом расскажешь. Это мои старшие братья от первой жены Харальда Торн, Бьерн и Эйнар. Не советую с ними связываться, сначала убивают, потом думают. Но они завтра уйдут на свой остров.

Горы мускулов имели маленькие головки, причем с совершенно плоскими лбами, Владимир даже подумал, что убивают они головами, оттого и сплюснулись. Но его внимание привлекли следующие слова нового брата:

– А это моя сестра Хельга.

Князь едва не распустил слюни от восторга – варяжка была хороша какой-то дикой грацией и спутанной кое-как копной светлых волос. Но услышал уточнение Торкиль и понял, что ко всем нужно подходить с особой осторожностью:

– Она замужем вон за тем рослым воином. Это Хеги, он берсерк.

Владимир слышал о таких воинах, которые впадают в бессознательное состояние, когда начинают биться, зато они практически непобедимы, а сами способны уничтожить толпы врагов. Толпой можно и берсерка одолеть, но обычно толпа при виде такого просто редет, а поредевшая толпа уже не толпа, а собрание будущих трупов.

Вообще-то все люди на Земле собрание будущих трупов, но одним до этого состояния еще далеко, а вот тот, кто встал на пути у берсерка, приблизился к таковому вплотную.

Князю как-то сразу расхотелось разглядывать змеиную грацию Хельги, но на всякий случай уточнил:

– А разве берсерки имеют жен?

– Почему нет? – удивился Торкиль. – Не всегда же он в трансе, только когда в бою.

– А у тебя есть жена?

– Была.

Так они беседовали, смешивая славянские слова со сканскими, что-то переспрашивая, что-то объясняя. Постепенно Владимир успокоился, никто не собирался нанизывать его на вертел, хотя дядя словно забыл о племяннике.

Торкиль предложил отправиться спать к нему в дом, сказав, что места хватит.

Спросить у дяди? Но этим он покажет, что держится за полу одежды Добрыни. Владимир кивнул:

– Если твой отец не против.

– Отец? Как он может быть против?

– Но ведь он хозяин этого дома.

– Он конунг, ему принадлежит многое, но не наши жизни, когда мы не в бою и не в деле. Каждый волен жить своей жизнью. Я не могу пойти к монахам или уйти с острова, не сказав об этом конунгу, просто потому, что он должен знать, почему меня нет рядом. А спать или есть, брать женщину или заводить детей могу.

– У вас здесь много детей?

– Немного, но есть. Здесь мало свободных женщин, потому и детей мало.

– А нельзя привезти больше?

– От женщин одна беда. Достаточно рабынь. Они и по дому поработают, и одежду сошьют, и ночью ублажат. У меня есть пара симпатичных. Пойдем.

Ночь получилась приятной, две рабыни ублажали их до самого рассвета, причем девушки явно были обучены этому занятию, Владимир остался доволен.

– Где ты их взял?

Торкиль пожал плечами:

– Купил на невольничьем рынке. Они рады этому, лучше ласкать одного меня или моих друзей, как ты, которых не бывает слишком много, чем очень многих за плату.

– У них не бывает детей?

– Нет, они знают, как этого избегать.

Разумно, разумно...

Утром, выйдя из хижины, чтобы отлить, Владимир увидел, как одна из рабынь пытается одновременно отогнать большую свинью и закрыть калитку. Это ей удалось бы, но калитка перекосилась, чтобы починить, требовалось всего лишь стукнуть лежавшим рядом обухом топора. Видно, это и собиралась сделать девушка, но не успела, пришлось бороться с настырной свиньей, решившей выбраться на волю во что бы то ни стало.

Рассмеявшись, Владимир подхватил топор и привел калитку в надлежащее состояние.

– Спасибо, – поблагодарила девушка и, подхватив большую бадью, поспешила к следующему загону.

Князь попытался вспомнить, она ли была так ласкова во тьме, но, прикинув объемы фигуры, решил, что не она. А жаль...

– Эй, мужчина должен держать в руках меч, весло, кружку с добрым пивом или бедра красивой женщины. Работу в поле и по дому оставь рабам. – Недоуменно вскинутая бровь Торкиля лучше всяких слов показала Владимиру отношение нового родственника к ситуации. Князь отбросил топор в сторону.

– Это не она была с нами ночью?

– Нет, конечно. Эта неумелая и строптивая. А еще она сумасшедшая. Но если ты ее хочешь...

– Хочу. Люблю строптивых.

– Ладно. Пойдем в дом.

Дядя не поинтересовался, где и как ночевал племянник. Зато поинтересовался Харальд:

– Вольдемар, Торкиль привел к тебе рабынь?

– Да, он дал своих.

– Двух на двоих сильных мужчин? Или ты так устал за время пути, что хватило только их? Торкиль, возьми еще пару, жена в Новгороде не должна мешать мужчине в моем доме развлекаться.

Только к вечеру у Владимира появилась возможность задать Добрыне интересовавший его вопрос:

– Ты сказал, что мы переживем зиму. А потом куда?

– Не знаю. Сейчас главное – выжить здесь.

– Мы можем не выжить?

– Конечно, особенно если ты будешь задавать глупые вопросы.

– Но ты же брат их главаря?

– Владимир, в этом мире кровное братство может значить куда меньше, чем сознательное. Большинству из них некуда деваться, кроме как служить Харальду или его соседям. Вернутся в родные места и будут казнены.

– За что?

Добрыня пожал плечами:

– Кто за что, у каждого свое.

– Так здесь преступники?

Дядя внимательно посмотрел на племянника:

– Ты считаешь себя преступником из-за убийства Рогволода?

Владимир опустил голову:

– Да. Рогволод не сделал мне ничего плохого и был гостеприимен. Он не заслуживал быть убитым.

– Если ты скажешь это здесь, то в твою сторону будут плевать с презрением. Рогволод допустил несколько ошибок. Он был слишком самоуверен и надеялся на своего будущего зятя. Полоцкий князь не выставил даже приличную охрану, не говоря уж о том, что сам не оказал никакого сопротивления.

– Он был ранен, а выставять охрану против меня нелепо, я же брат Ярополка.

– Ты глупец, если думаешь так! Разве можно доверять брату?

– А кому тогда можно? – окончательно растерялся Владимир.

– Только тому, кому выгоден союз с тобой, и только пока он выгоден! Если ты этого не поймешь, то лучше бы оставаться в опочивальне у Алохии и не мечтать о киевском престоле.

Владимир хотел сказать, что он и не мечтает, но не рискнул возражать, дядя был слишком яростен.

Добрыня смягчил тон:

– Я не знаю, сумеем ли мы вернуться, но пока ты здесь, постарайся научиться как можно большему, то, что умеют варяги, может пригодиться кому угодно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.